
Кира ГРОЗНАЯ

МЫ ВЫШЛИ ИЗ ДЕВЯНОСТЫХ

Рассказы

МОЙ БОДИ-АРТ

Мне девятнадцать, и у меня есть большая неразделенная любовь.

Он Художник.

Моя лучшая подруга Вика такого не одобряет:

— В наше время нужно выходить замуж только за бандитов!

Вика работает медсестрой. Она красивая и умная, знает английский язык и в этом году обязательно поступит в медицинский вуз. Я беру у Вики уроки английского и иногда привожу к ней залетевших подружек. Вика избавляет от беременности: колет девочкам препарат для сокращения мышц матки у коров.

У меня есть «официальный» мальчик Владик. Вот он Вике нравится! На работу Владик всегда надевает малиновый пиджак. Раз в неделю приезжает ко мне на побитой иномарке, и я рассказываю ему, как провожу время со своими друзьями-художниками. Владик сопит, он недоволен. Но меня это не колышет.

— Владик — колоритный мужчина. — говорит Вика. — Хоть и не бандит, но с хорошими задатками. С такой квадратной челюстью...

— Ага, а еще у него через слово: «типа», «блин» и «ничё». Меня тянет к культурным людям!

— Ну что ты нашла в этом Хемуле? — спрашивает Вика, подразумевая Художника. — Что в нем есть, чего не вижу я? Кроме носа на пол-лица, конечно.

— Он — гений! — объясняю я.

Вика досадливо машет рукой:

Кира Грозная — петербургский поэт и прозаик, журналист, редактор. Родилась в 1975 году в г. Майкопе. Окончила РГПУ им. А. И. Герцена, специальность — «практический психолог». Кандидат психологических наук. Член Союза писателей Санкт-Петербурга, Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Автор шести изданных книг. Стихи и проза публиковались в журналах «Юность», «Дружба народов», «Звезда», «Урал», «Зинзивер» и других, в коллективных сборниках и альманахах. Лауреат литературной премии им. Н. В. Гоголя в номинации «Шинель» (2018) и премии Правительства Санкт-Петербурга в области журналистики в номинации «Лучшие публикации в городских печатных СМИ» (2019). Финалист Всероссийской премии искусств «Созидающий мир» в номинации «Лучшая проза» (2020) и Всероссийской литературной премии им. А. И. Левитова в номинации «Проза. Мастера» (2022). Заняла первое место в номинации «Поэзия» на фестивале авторской песни «Покровский собор» (2024). Живет в Санкт-Петербурге.

— Толку тебе от этого гения! У него денег нет, а что может быть хуже еврея-неудачника...

Еврей, армянин или француз — неважно. Я молчу, не спорю с Викой.

Художники — это небожители, обитатели высших сфер. (Когда я сказала об этом Вике, та съязвила: «Не небожители, а *недожители!*») В этих сферах существует и мой Художник, взлохмаченный парень в дешевом пуховике, без шарфа и без берета. Его утро начинается в обед, а день наступает, когда активность грохочущего мегаполиса уже потихоньку идет на спад. Я не надеюсь на серьезные отношения с Художником. Я готова бескорыстно с ним переспать. Или бескорыстно дружить. Или стать его помощницей, натурщицей, домработницей. Варить ему кофе, мыть кисти, таскать тяжелую папку с рисунками. Сидеть на полу у его кресла, пока он пьет кофе или читает газету, снизу смотреть ему в глаза.

Дальше мои мечты пока не распространяются. Да и мама учила ставить перед собой реальные задачи.

Сегодня Вика дежурит в ночь. Мы сидим в кафе, пьем кофе с мороженым.

— Чего киснешь? — говорит Вика. — Не звонит? Приди к нему сама, без приглашения. Скажи, что портрет свой хочешь забрать. А там — посмотришь, как карты лягут: либо останешься, либо уйдешь, зато недосказанности не будет.

Это я Вике однажды наврала, что Художник нарисовал мой портрет и держит его в своей комнате.

Вдруг к нам подсаживается невнятный тип, представляется художником и сообщает, что хочет писать нас с натуры.

— Блин, Марина, откуда они вокруг тебя берутся? Ты их что, рожаешь? — удивляется Вика.

Невнятный тип демонстрирует вежливое непонимание.

— Мы никуда с вами не пойдём! — заявляю я.

Невнятный тип соловьем разливается, обещая гонорар за натуру и появление наших рожц на европейской выставке картин. Чтобы отвязаться, оставляю ему телефон старосты группы, называюсь ее именем.

— Отлично! Я вам позвоню, — радуется тип.

В его усыхающем от пьянства мозгу рождается идея. Картина будет называться «Женщина земная и женщина небесная». Первая лежит на земле, раскинувшись, а вторая над ней парит. Обе обнаженные.

— Какая оригинальная задумка, — соглашаемся мы.

И тут же сматываемся: пусть расплачивается за наше мороженое!

Я провожаю Вику на работу. По дороге спорим, кого невнятный тип подразумевал в роли «женщины небесной», а кого — в роли «женщины земной». Каждой из нас, понятное дело, хочется быть «небесной».

Черты у Вики тонкие и мелкие, кожа прозрачная, волосы — мятый лен. Ну и повезет же какому-нибудь бандиту. Нет, мне явно не выиграть этот поединок...

Осенний вечер не наступает, а подкрадывается. Пар идет изо рта, а на мне легкая куртка.

Где сейчас Художник? Если я и правда к нему припрусь, он удивится. Мы едва знакомы, однако на шоу «боди-арт» в Манеже, куда я однажды выгатила Вику, я ляпнула ей, что мы «встречаемся». Вике не понравились ни Художник, ни его работа — три «грации», обнаженные и разрисованные, под музыку кружившиеся по сцене.

Как убить вечер? Пойти в академию имени Мухиной. Вдруг в мастерских засиделся кто-то из полуночников-дипломников. Не возвращаться же к родителям в девять часов.

Окна мастерской скульпторов освещены. Там Витек-в-тельняшке и Дядя Вера.

— Какие люди без охраны! Вить, Маринка пришла, — констатирует Дядя Вера, сидящая с трубкой в зубах верхом на стуле. На ней синяя роба и резиновые сапоги, руки по локоть в глине.

Витек-в-тельняшке бегло кивает мне. Перед ним лежит каменная глыба, уже начавшая приобретать очертания голой женщины с фаллическим символом на голове. Он ударяет тесаком, и в моем животе что-то обрывается, а с потолка сыплется чешуйки штукатурки.

— Будешь нас изучать? — лыбится Витек-в-тельняшке.

У меня неопределенная специальность — социология, наука ни о чем. Но это позволило мне наврать, что я пишу диплом о художниках и собираю материал. Я учусь на третьем курсе, но всем говорю, что «диплом на носу». Художники рады: им некуда приткнуть свое возбужденное одиночество, а тут их слушают и даже пишут о них научный труд. Они называют меня своим «маленьким полуночным ангелом».

— Сейчас народ припрется, — говорит Дядя Вера. — Останешься?

Приходят человек пятнадцать. Среди них — Художник в дешевом пуховике. Я выпила две бутылки пива. Теперь ничего не стоит перевести стрелки на свой диплом.

— Существует ли социотип художника? — повторяет заданный мною вопрос Антон-ювелир, лысеющий тридцатилетний колобок. — Мы, конечно, выделяемся из средней массы, но не настолько же...

— Именно *настолько*, — перебивает Антона-ювелира Макар, скелет с воспаленными глазами и облезлым хвостиком на затылке. — Скажи, разве ты не был в школе исключением из правил, аутсайдером среди сверстников?

— Я? — Антон-ювелир краснеет и вытирает вспотевшую лысину. — Я, знаете ли, был круглым отличником, по всем предметам. А лентяй и олух, который считает себя творческой личностью... Знаете, как он называется?

— Ладно, не кипятись, — миролюбиво говорит Макар. — А я, представь, лентяй и олух. Едва переползал из класса в класс. Из пионеров выгнали за то, что изобразил директрису в голом виде. По ночам вскакивал с кровати и бросался к столу, в ящике которого хранились краски и карандаши. Родители отнимали их, чтобы я не остался на второй год...

— А моя мать была учительницей, — встречается Илья, бородатый парень со смеющимися глазами. — А отец — инспектором роно. Как они меня драли, вы представить себе не можете. Золотой медали им от меня надо было. Помню, едем с матерью в электричке. Она читает, очки на носу — прилизанная, строгая. А я в пяти шагах хожу по проходу и клянчу милостыню. Из пионерлагеря привез домой трехлитровую банку с навозом и навозными жуками...

— Значит, есть социотип? — переспрашиваю я.

— Конечно, — убежденно говорит Илья. — Мы все неадекватны, включая ювелира, который мог стать настоящим художником, но вместо этого пошел в ремесленники. А что делать, если настругал четверых детей? Что, Антон, жена небось пилит?

Антон-ювелир улыбается, моргает и опять вытирает лысину.

Тут Художник поднимает голову, устремляет на меня пронзительный синий взгляд и говорит:

— Мы не просто безобидные шалопаи. Мудрец сказал: художник превращает свою непутевую и грешную жизнь в легенду.

— Ну, твою жизнь непутевой и грешной не назовешь, — возражает Илья. — Расскажи, как ты в «Муху» поступал.

— Да все слышали, — скромничает Художник.

— Я не слышала, — говорю.

И Художник рассказывает:

— Я из Одессы. Окончив восемь классов, подался в кулинарное училище. Год отучился и понял: это не мое. У меня ведь художественные способности проявлялись с детства. Поехал в Ленинград и начал поступать сюда. Раз, второй... После третьей неудачи поехал к самому министру народного образования. Как я к нему прорвался, это тема для отдельного рассказа. Приволок мешок бронзы, вывалил на стол. Он говорит: «По-моему, здорово. Но этот вопрос в компетенции вашего ректора». А у нас ректора только что сняли из-за самоубийств студентов. Как ни цинично звучит, сложились благоприятные обстоятельства. Министр написал: зачислить! Так я стал студентом.

— Да, удивительная история, — соглашаюсь я.

— У Катеньки — покруче, — говорит Художник. — Катенька, скажи нашей ученой барышне, сколько ты раз поступала.

— Десять, — говорит Катенька, маленькая бесцветная особа в круглых очках.

— Ничего себе! Как же так?

— А я для себя решила, что буду учиться только здесь. С детства болела садово-парковой скульптурой. У меня весь дачный участок заселен диковинными существами. В общем, поступаю и пролетаю, и так за годом год. Уже надежду потеряла, а хочется хотя бы на экзамене посидеть в мухинской аудитории, тянет! И вот на очередной вступительный экзамен заходит декан факультета, переговаривается с экзаменатором, обводит глазами зал, выходит... Вдруг возвращается, шурится на меня и спрашивает: «Вы, девушка, который раз поступаете?» — «Десятый», — говорю, а у самой губы дрожат. «Надо же! То-то лицо знакомое. Как вас зовут?» — «Скворцова Катя». — «Ну, Скворцова Катя, считайте, что вы зачислены». И он выходит из аудитории, а я как разревусь! А все сидят, притихшие, и на меня смотрят.

— А вы говорите — социотип, — Художник улыбается мне.

Я только открываю рот, как встречает блондинка Магда:

— Давайте танцевать!

Илья включает магнитофон. Магда тянет моего любимого за руку на середину комнаты, и он послушно идет за ней.

Выпиваю еще бутылку пива. Пора домой... Но тут появляются новые лица, и ко мне подсаживается симпатичный бородач с библейскими глазками.

— Вы модельер? — льстиво спрашивает он. — У вас безупречное чувство стиля.

Вечные спутники моих девятнадцати лет — высокие ботинки-«ортопеды», куртка-«косуха» и рюкзак. Волосы заплетены в мелкие косички, собранные в узел. На груди на кожаных шнурках висят глиняные и деревянные украшения — подарки мухинцев. Как вам стиль?

К полуночи становлюсь своей в доску. Танцую, рассказываю анекдоты, над которыми подобострастно смеется бородач, авторитетно рассказываю о своей «научной работе». В сторону Художника стараюсь не смотреть, но в какой-то момент замечаю, что его уже нет в мастерской. И Магды нет.

И все разом тускнеет.

— Пойдемте, — говорит бородач, подавая мне руку, — а то закроется метро. Я вас провожу.

Выходим в непроглядную темень. Бородач решает, что до «Горьковской» ближе, и мы спешим мимо Марсова поля к Троицкому мосту. Над Невой гуляет свистодуй. У меня отмерзают пальцы и уши. Бородача зовут Адик, что, очевидно, значит — Адольф. Крутовато для мужчины с библейскими глазами!

Метро закрыто. Я осталась в центре города с незнакомым мужиком, а родители в Автове, наверное, уже обзванивают морги. Объясняю это Адику, и мы идем искать телефонный автомат.

Автоматов на Петроградской стороне много, но у всех обрезаны трубки либо разворочены внутренности. Наконец находим целый автомат. На будке надпись: «Не трожь меня, злой человек!» Нахожу монетку, звоню маме, которая сразу бросает трубку. Зато теперь родители знают, что я жива.

— Пошли ко мне, — говорит Адик.

И мы возвращаемся туда, откуда пришли.

Мастерская у Адика на Моховой. Там пыльно, захламлено и интересно. Все заставлено гипсом. Адик разливает пиво в стаканы. Мы ведем беседу — конечно, о «социотипе художника». Я упоминаю Художника, и Адик мрачнеет и злится:

— Этот человек развращен своими первыми премиями и международными выставками! Не будем о нем!

Какая это бутылка пива? Боюсь, что пятая.

Адик уговаривает меня выпить на брудершафт. Мы выпиваем и целуемся, а потом играем в прятки среди стеллажей и металлических конструкций.

— Как ты нашла меня? — с придыханием спрашивает Адик.

— Я тебя не искала. Кому ты нужен.

— Да. Это я тебя нашел.

Он слегка пьян и романтично настроен, я же пьяна в коленвал, и меня тошнит.

— Как вы, музы, находите нас, художников? — продолжает этот «недожитель».

— Где здесь туалет? Меня сейчас вырвет.

Адик провожает меня до уборной, и время останавливается часа на полтора.

— Марина!

Меня крутит в центрифуге. Я куда-то лечу, потом проваливаюсь.

— Маринка, ты жива?

Болят колени и шея. Неудобно спать на четвереньках, уткнувшись в стенку лбом.

— Ломаю дверь! — откуда-то издали кричит Адик. — Я на все способен!

Встаю, и меня начинает кидать из стороны в сторону. Адик слышит грохот и ругань и вправду начинает ломать дверь. Наконец я нашупываю дверную задвижку — и выпадаю в коридор, прямо на руки Адику.

— Мариночка, пойдём, я тебя уложу, — говорит он, волоча меня за подмышки вдоль стеллажей. — Пятый час утра, маленьким девочкам пора баиньки.

Адик кидает или роняет меня на свою кровать. Наверное, Адику негде жить. Может быть, его выгнала жена. Сначала пилила, как жена Антона-ювелира, а потом выгнала из дома. А может быть, он оборудовал эту мастерскую, чтобы приводить сюда подружек. Мне все равно. Я хочу спать.

На мне провокационный наряд: сверху юбочка-разлетайка, а под ней шорты. Совершенно бесполезно лезть ко мне под юбку: там шорты. Вся эта конструкция едва прикрывает задницу, но я ношу ее с короткой курткой. А сверху водолазка с пришитой бутафорской жилеткой. На жилетке молния, которая никуда не ведет. А водолазка на самом деле — комбидрес, застежка между ног. А сверху — шорты. Так что я, даже если пьяна, всегда спокойна за свою честь.

Адик ложится рядом, несколько раз вяло дергает «собачку» молнии на жилетке, потом поворачивается ко мне спиной и с грохотом падает с кровати.

Утром Адик молча, не прощаясь, запирает за мной входную дверь.

Мы даже телефонами не обменялись. Обиделся. Ну и ладно.

Иду по улице. Мелодичный свист заставляет обернуться. Неподалеку стоит Художник. Утренний ветерок треплет его волосы. Он улыбается.

— Здравствуйте, Марина, — говорит Художник.

— Здравствуйте! Вы живете рядом?

— У меня тут мастерская, иногда я там ночую. А вы откуда? — но, расхохотавшись, перебивает сам себя: — Впрочем, буду джентльменом. Не отвечайте!

Я тоже смеюсь.

— А пойдете пить кофе, — предлагает он.

Художник расставляет на столе кофейные чашечки, сахарницу, тарелку с сыром и ветчиной. В его мастерской чисто.

— Как у вас аккуратно, — удивляюсь я.

— Люблю порядок. Вы можете представить, что на этом паркете разводят гипс? Кстати, меня зовут Петр.

— Очень приятно.

Конечно, я слышала его имя, но для меня он всегда оставался Художником.

— Можно посмотреть вашу мастерскую? — спрашиваю я.

— Да, только не шумите: за перегородкой спит Магда.

Так все заканчивается, не начавшись.

Художник вдруг начинает оправдываться, хотя я не задавала вопросов:

— Магда — мой друг. Мы когда-то встречались, но... Неважно. Сейчас у нее решается вопрос с покупкой жилья, и ей нужно где-то перекантоваться.

— Понятно.

Мне кажется, или он чем-то расстроен?

Художник поднимает на меня глаза и говорит:

— У меня беда: заболела Юленька.

Это одна из его «трех граций».

— У нее менингит. Сейчас состояние только стабилизируется, а шоу боди-арт в Москве уже через две недели.

Молчу, сочувственно киваю.

— Мне срочно нужна замена.

— Может быть, я смогу вам помочь?

Кто-то как будто произнес за меня эти слова.

— Что ж... давайте попробуем?

Как холодно в мастерской.

Я стою босиком посреди комнаты. На мне трусы «неделька» и мужская рубашка. Волосы собраны в узел.

Чувствую взгляд Петра даже лопатками. Напряжение достигло высшей точки. Снимаю рубашку и тут же покрываюсь гусиной кожей. Художник включает обогреватель с открытой спиралью, которая сразу начинает дымиться. Я медленно поворачиваюсь к нему лицом. Художник гладит мои плечи, берет за руки, встряхивает; мои предплечья зажаты. Он касается двумя пальцами моего лба, носа, губ. Взяв за подбородок, заставляет поднять голову.

— Какая ты красивая, — говорит Художник. — Как я рад, что не ошибся. Из тебя выйдет отличная модель.

Маленький столик. Грим, палитра, кисти. Художник, обнаженный по пояс, смешивает краски, подбирает тона. Мне больше не холодно, но в просторной комнате с большими окнами светло, как в операционной, свет раздражает глаза.

Руки Художника разминают мои плечи, погружают в море электрических импульсов, сладких покальваний. Его пальцы с мягкими подушечками словно вытягивают из меня душу. Прикусываю губу. Спина — мое чувствительное место.

Моя душа, отделившись от тела, летит навстречу Художнику.

Он берет кисть и начинает разрисовывать мое лицо. Закрываю глаза. Мне кажется, что он легонько целует меня, щекошет губами лоб, щеки, нос.

Теперь в его руке — кисть побольше. Тело покрывается рисунком. Пальцы Художника ласкают меня, оставляя бороздки в море разноцветных красок. Его пальцы пробегают по груди, животу, бедрам, и мурашки бегут от них по телу. Мои глаза закрыты; я представляю, что его глаза сейчас тоже закрыты, что он расписывает меня вслепую, наугад.

Может быть, я — просто рабочий материал, как для Витька-в-тельняшке — его каменная женщина? Но нет, ведь я осязаю каждой клеточкой, как желают меня эти пальцы.

Художник берет самую тонкую кисточку и выводит на пылающем, покрытом рисунком теле тонкий орнамент. Мне щекотно, и я смеюсь.

— Вот и все, — говорит он и целует меня в нос. Его губы становятся синими. — Подожди, придется подправить, — хмурится он.

Легко проводит тонкой кисточкой, и я чихаю.

Художник достает фотоаппарат, делает снимки. Я во всех ракурсах, голая и разрисованная. Видел бы папа...

— Та-ак, — говорит Магда, появляясь из-за ширмы. На ней легкий халатик, волосы растрепаны, глаза прищурены, в пухлых губах тонкая сигарета. — Ну, вы даете. С добрым утром!

Мямлю:

— Привет...

— Кто будет кофе? — спрашивает Магда и поворачивается ко мне: — Тебе варить?

— Да, только сначала приму душ.

Жалко смывать с себя эту красоту, но что поделаешь... Все закончилось.

Или только начинается?

Подхожу к чудом уцелевшему телефонному автомату. Долго ищу монетку. Набираю номер единственного в мире человека, который мне сейчас нужен.

— Я сплю, — неприятно и тускло отзывается Викин голос.

— Прости, что разбудила после дежурства. Вика, я так счастлива!

— Поздравляю, — отвечает уже мягче. — Потом расскажешь? Позвоню тебе, как проснусь.

Иду домой. Вдруг из-за поворота вырывает Владик.

— Что, нагулялась, дешевка? — рычит он и выхватывает из полиэтиленового мешка какой-то продолговатый предмет...

Граната! Она плюхается в грязь у моих ног, лопается, как перезрелый помидор. Красное, вязкое забрызгивает меня. Неподалеку взвизгивает женщина. Владик убегает. Я дотрагиваюсь до красного потека на ботинке. Сам ты дешевка! Кинул в меня пластиковой гранатой, начиненной красной краской. Больше всего пострадали ноги. Ботинки-«ортопеды» придется выбросить: восстановлению не подлежат. Куртку-«ко-

суху», наверное, удастся отчистить. Или пусть остается заляпанной? В память о том, как я была душой. Руки в крапинку, словно покрыты сыпью. И совсем не пострадал рюкзак.

Позже, дома, выслушав от родителей все, что причитается, а потом получив порцию сочувствий и обещание купить новые «ортопеды», я укрываюсь в своей комнате и падаю на диван. А вечером в моем жилище раздаются два звонка.

— Ну как ты, муза в коротких штанишках? — слышится ироничный Викин голос. — Нагулялась? Рассказывай!

Вика слушает, переспрашивает, удивляется. И правда: только что со мной ничего особенного не происходило — и вот уже я еду на крутое шоу в Москву!

Потом звонит Художник:

— Марина, добрый вечер. Я взял билеты на девятнадцатое.

— Здорово, — говорю я.

И добавляю:

— Спасибо вам.

— Это тебе спасибо. Мне-то за что?

Ни за что.

Я люблю вас.

Я не произношу этого вслух. Незачем взваливать на него свои проблемы.

— Вы подарите мне одну фотографию? Хочу сохранить для потомков.

Он смеется и опрометчиво обещает:

— Лучше напишу твой портрет.

И конечно, напишет. Куда он денется!

СТУДЕНТКИ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ

Сенсация! На доске объявлений философского факультета нашего «Герцовника» появилось объявление: «Новый телевизионный канал STV проводит набор ведущих музыкальных и информационных программ!»

Ниже были приведены контактные данные.

Я сразу позвонила Вике.

— Нам это интересно? — уточнила я, рассказав про заманчивое объявление.

— Еще спрашиваешь! — Вика чуть не завизжала от восторга. — Это моя мечта! Ты же знаешь — я всегда хотела быть телеведущей!

Еще на прошлой неделе Вика мечтала выйти замуж за греческого винодела и навсегда уехать к морю, подальше от дефолта и питерской слякоти, но я не стала ей этого припоминать.

Мы сразу договорились: согласимся работать только вдвоем! Мало ли какая криминальная история может разворачиваться вокруг «нового телевизионного канала». Все что угодно — от похищения на органы до вербовки в публичный дом!

Позвонили офисному диспетчеру, оставили свои телефоны.

— Как вы, девочки, меня задолбали, — неласково ответила «диспетчер», судя по голосу — серая тетка, трудившаяся уборщицей в том же офисе. — Каждый день по семьдесят звонков. Канал вам что, резиновый?

Но нас не отпугнула грубость тетки: где она, а где — мы, будущие звезды телеканала!

И удача улыбнулась! Буквально на следующий день Вике перезвонил сам генеральный директор. Его звали Александром, «но для друзей просто Алекс», как с придыханием сообщил он Вике.

— ...Словоохотливый мужик, анекдотами сыплет, тридцать два года, не женат! — Вика была так взбудоражена, что голос у нее дрожал. — На меня запал, представляешь!.. Но тебя, Маринка, я тоже пристрою — ты не думай! У всякого бизнесмена есть приличные друзья.

Вике уже казалось, что этот гендиректор у нее «в кармане». Пожалуй, так оно и было, потому что когда Алекс позвонил мне («Ваша подруга так горячо вас рекомендовала!»), он только о Вике и говорил.

Алекс действительно оказался беспорядочно болтливым, смешливым, никуда не спешащим собеседником. Он упорно не желал озвучить свои требования к телеведущим и нес всякую ерунду, что меня даже выбивало из колеи.

Алекс признался, что «заочно влюблен в Викторину».

— Но она не хочет описывать свою внешность, — пожаловался Алекс. — Мне, вообще-то, нравятся девушки высокие, с длинными волосами и крупными чертами лица.

Я подумала, что скорее я подпадаю под описание: у Вики были стрижка каре и мелкие черты лица.

— Мы обе высокие, — сообщила я. — Остальное сами оцените.

— Марина, давайте встретимся послезавтра! — оживился Алекс. — У метро «Автово». Я — маленький, неприметный, поэтому на встречу с вами надену зеленые штаны — чтоб выделяться.

У меня был полукриминальный приятель, младше на два года, еще в школе имевший приводе в милицию. На следующий день мы курили в подворотне, прячась от дождя. Я рассказала приятелю о предстоящем кастинге, и он дал мне баллончик с нервно-паралитическим газом, пояснив, что «светить им перед мусорами» не рекомендуется.

Когда я, сжимая в кармане баллончик, пришла к месту встречи, там уже стоял маленький, невзрачный, взъерошенный парень в зеленых вельветовых штанах. Выглядел он растерянным. Приблизившись, я заметила, что у него на лице сильное раздражение — неаккуратно побрился или еще что — с лоснящимся слоем жирной мази поверх.

Мы поздоровались. Алекс уже не казался словоохотливым — скорее комплексовал и тормозил.

Тут появилась расфуфыренная Вика — в красной шляпе и кожаном плаще, который она надевала только по «экстраординарным» случаям. Увидев меня и гендиректора, Вика остановилась и открыла рот. Это называется: «отпала челюсть». Вика стояла, явно прикидывая: не сбежать ли. Я подошла, щелкнула ее по подбородку — рот закрылся.

— Ну, поехали ко мне, — пробормотал Алекс.

— Как? Разве мы едем не в студию? — напряглась я.

— Ни студии, ни офиса пока нет, — объяснил Алекс. — Вот начнем программы записывать, тогда и снимем.

Мы втиснулись в «Жигули», где уже сидели два молодых усатых мужика. Они кивнули, здороваясь. Потом, когда приехали и вышли из машины, оба приятеля Алекса оказались нам с Викой по плечо ростом.

Алекс жил в большой, по нашим меркам роскошной квартире: двухэтажной, с огромной кухней-холлом. Принимали нас хорошо, угощали чаем с тортом и почти приторным, но вкусным, забористым ликером. Правда, один из приятелей Алекса, Анто-

ха, то и дело вспоминал какую-то «бабушку», которая вот-вот вернется с дачи и которой все это не понравится.

Вика сидела с каменным лицом, и мне приходилось одной поддерживать беседу. Алекс же, хоть к нему и вернулась прежняя словоохотливость, упорно не желал говорить о работе.

— Телевидение — ерунда, — отмахивался он от меня. — У нас есть более перспективный проект: мосты в Петербурге сделать не разводными, а вращающимися. Правда, я устал ходить по инстанциям — там все такие тупые!

— Как это ерунда? В нашем вузе уже несколько десятков девушек собираются к вам на кастинг! — воскликнула я.

— Они что, обалдели? — испугался Алекс. — Куда их столько?

— Ну, вы же сами повесили объявление.

— Денег Саниной бабушки хватит на любое количество девушек, — хмыкнув, произнес второй приятель Алекса — Димон, молчавший до сих пор.

— При чем тут бабушкины деньги? — возмутилась я. — Мы бедные студентки. Мы работать хотим!

— Ну и работайте. На здоровье! — сказал Алекс. — А я в чем виноват? У меня еще даже телеоборудования нет.

— Ничего. Бабушка купит, — утешил Антоха.

И они с Димоном заготовили.

Мы с Викой, так и промолчавшей весь вечер, попрощались и начали одеваться.

Антоха и Димон вызвались отвезти нас по домам. Хозяин квартиры остался прибираться и ждать бабушку.

Первой высадили Вику. Попрощавшись с подругой, я внутренне сжалась и напрыглась. Но как добираться самой, на чем? Прямого транспорта нет, такси не поймаешь. Чаще всего мы тормозили на улице тачку и ехали, положившись на русский авось. А эти парни хоть не бандиты...

Машина остановилась неподалеку от моего дома. Димон вышел вместе со мной.

Неосвященный двор отпугивал абсолютной чернотой. Он был страшнее моего провоза. Но я все-таки нащупала в кармане баллончик.

— Спать охота, — зевнув, сказал Димон. — Завтра в рейс, блин. Саня как замутит что-то, так нам с Антохой расхлебывать. Вот и с этим кастингом — моя мать уже задолбалась на звонки отвечать, скоро пошлет нас подальше. Может, пойдешь к нам диспетчером? — он засмеялся. — Платить, правда, нечем, зато с рейсов всякое барахло остается: кетчупы, лосьоны, косметички. Магнитофоны даже бывают... битые. Отдадим, как говорится, товарами и услугами!

— Спасибо, у меня уже есть магнитофон... битый, — открестилась я.

Мы попрощались. Димон как джентльмен подождал внизу, пока я не хлопнула дверь на своем четвертом этаже. В те времена могли изнасиловать и убить в собственном подъезде, и соседи не высунулись бы.

Через неделю Алекс позвонил и предложил «перевести отношения в неофициальное русло». Он сказал, что Вика ему не понравилась, потому что «властная и надменная», а вот я — «подхожу».

Я вежливо, но решительно отказалась.

ЕНОТ И СВАДЕБНЫЙ ЛИМУЗИН

Подружились они в девяностые, когда Илье было двадцать три, а Вике — семнадцать. Случайно познакомились в клубе, разговорились у барной стойки и с тех пор виделись довольно часто. Бродили по питерским закоулкам, пили пиво, болтали. Никакой любовной истории не зародилось, и что вообще сблизило таких разных людей, как они — неизвестно. Впрочем, дружба часто возникает без каких-либо причин, просто так.

Как бы там ни было, они вынырнули из коротких штанишек юности лучшими друзьями.

Вика окончила «институт благородных девиц» — так называли филфак университета, однако служить отправилась в милицию. Не в библиотеку же идти, не в музей и, упаси боже, не в среднюю школу. В милиции, правда, тоже платили мало, но там имелись какие-никакие льготы и перспективы.

Илья и вовсе недоучился — к моменту знакомства с Викой он уже был выгнан из технического вуза. Рассказывал, что из-за несчастной любви, но официальной причиной отчисления значилась «хроническая неуспеваемость». Впрочем, какая разница.

Состояние влюбленности не покидало Илью никогда. Любить кого-то «безмолвно, безнадежно» было его призванием. Вика сочувствовала другу. Поначалу пыталась давать советы, видя причины Илюхиных неудач в нем самом (не тех выбирает), но, убедившись, что толку никакого, махнула рукой. Пусть живет, как хочет, а она всегда его выслушает и поддержит.

Бежали годы; тогда казалось, что они ползут, но позже выяснилось, что действительно бежали. Илья отслужил в армии, женился, развелся и женился вновь. Вика вышла замуж и родила двоих детей, одного за другим. И у Ильи детей было тоже двое, по сыну от каждой жены.

Жизнь проходила у Ильи в автосервисе, у Вики в милиции, в отделе кадров. А вечерняя, более короткая часть жизни — дома. И вроде все у них было, но чего-то важного не хватало, и отсутствие этого «чего-то» сблизало их больше, чем память о пьянках юности.

Однажды крещенские морозы застали друзей сидящими на бревне в Удельном парке. Они говорили об очередной неразделенной любви Ильи — его терзала страсть к жене шефа, красивой и дорогой женщине Лиле.

— Мне кажется, что я умру без нее, — медленно проговорил Илья, повернув к Вике смуглое лицо, почти синее от холода.

Илья был симпатичный. Правда, он смеялся, как будто кудахтал: «и-е-кхе-кхе!», но встречаются мужчины и с более серьезными недостатками. Поэтому многих удивляло, почему красавцу Илье не везет в любви. Впрочем, Вика знала ответ — ее муж, опер Алексей, не случайно прозвал Илью «Енотом». Как-то раз Алексей и Вика на полном серьезе обсуждали, кто из общих знакомых похож на какое животное, и Алексей заявил, что Илья — это енот. И Вика расхохоталась: действительно, во внешности ее лучшего друга было что-то от енота. Он был маленький и плотный, с добрыми, вечно прищуренными глазами и густыми, жесткими, как щетина, волосами. Черная масть намекала на какую-то восточную кровь, хотя родители у Ильи были русские. Широкая улыбка, открывавшая белоснежные зубы с детской прорехой между ними, придавала лицу глуповатое выражение.

— С чего это ты умирать собрался? — Вика натянула на нос шарф. — Вот еще выдумал. Кстати, как прошла поездка?

Илья только что вернулся из Твери, где провел выходные с женой босса.

— Нормально. Мы с Лилькой жили в одном номере.

— И что?!

— Ничего. Она мне не далась. Ускользала из рук, как змея.

Лиля была аристократичной, пластичной красавицей с кошачьими движениями. Стильная, холеная женщина, почти модель. И тут — Енот...

Вика считала, что Илюхин нереализованный роман — дело гиблое. С Лилей даже через тысячу лет Илье ничего не светит. Впрочем, Вика ничего не сказала другу — он бы почти наверняка не понял, мог спросить: «А что мне оставалось — насилловать ее, что ли?»

— Может, Лиля боится, что тебя убьет ее муж? — предположила Вика.

— Не знаю... Кстати, я решил сменить место работы. Так спокойнее. Но как подумаю, что реже буду ее видеть... Жить не хочется.

— Ты не умрешь, — возразила Вика. — Ты рассудительный...

Друзья посидели молча. Пар вырывался из ноздрей при каждом вздохе, мокрые кончики носов мгновенно твердели и леденели, но тут же снова оттаивали от тепла дыхания. Горели щеки и уши, ныли распухшие пальцы ног. Пора было по домам.

Вдруг Вика спросила:

— Илюха, тебе нравится енот?

— Чего? — Илья глянул удивленно.

И рассмеялся, сам не зная над чем:

— И-е-кхе-кхе!

— Да так... Лешка считает, что ты на енота похож.

Илья помолчал, переваривая информацию. А потом ответил — спокойно, степенно и, как показалось Вике, немного обиженно:

— А что — енот? Полезное животное. И мех у него качественный. Правда, это если енот настоящий. Ну а если попадетсЯ енотовидная собака, то и шуба меньше носится, и вид не тот...

Наступила весна. В жизни Ильи произошел второй по счету развод.

Дело в том, что его мама Анна Владимировна ненавидела невесток. Особенно сильную неприязнь она питала к младшей из них — Маринке, гордой девушке-сироте, не пытавшейся найти со свекровью общий язык. Со старшей невесткой Янкой и ее сыном Анна Владимировна жила на одной лестничной площадке. Так сложилось, что Илья после армии женился на соседке, женщине старше на пять лет. А после развода он просто ушел в соседнюю квартиру и захлопнул за собой дверь.

Когда-то Анна Владимировна не могла простить Янке ее возраста и того, что она заморочила «мальчику» голову, забеременела и «обманом» женила его на себе. Потом бывшие свекровь и невестка сроднились, причем объединила их ненависть к Маринке: та внезапно появилась в жизни Ильи и увела его из дома аж на соседнюю улицу. Анна Владимировна дружила с экс-невесткой против нынешней.

Иногда свекровь звонила Маринке, обзывала ее цыганкой (из-за черных роскошных волос и молдавских корней), желала «сдохнуть» и басовито рыдала в трубку. Янка же была предупреждена о каждом приходе Ильи к матери и будто ненароком заходила к соседке попить чайку с блюдом свежееиспеченных пирожков, а то и с бутылкой винца.

Наконец второй брак Ильи рухнул, и он вернулся домой. Янка вострепнулась, встала в стойку. Сделала стрижку и мелирование, записалась в спортзал. А брошенная

Маринка, забив на свою гордость, которая в действительности происходила от природной застенчивости, звонила Вике, плакала и просила помочь ей вернуть Илью.

Вике было жалко Маринку. Но она была все-таки другом Ильи, игроком его, а не Маринкиной команды.

— Я ведь не бросил их на произвол судьбы. Даю Маринке денег, гуляю с сыном, — пожимая плечами, говорил Илья. — Просто время показало, что мы разные. Маринка — молчунья, никогда не посочувствует, не выслушает. У нее на все один ответ: не трещи, помолчи. Не-ет, с мамой мне гораздо лучше. Ну а Янка... Янка тут совершенно ни при чем. Да, переспали пару раз. Но при этом я ей честно сказал: я на тебя когда-то клюнул по молодости и глупости, а сейчас ты для меня стара!

— А Янка что? — поинтересовалась Вика.

— А что она сделает? Не морду же мне набьет. И-е-кхе-кхе! Все-таки и сын у нас общий, и с мамой они теперь подруги...

Прошло уже семь лет с того вечера, когда Илья и Вика сидели на бревне в Удельном парке, а любовь к жене босса Лиле по-прежнему оставалась доминантой, светлой мерцающей точкой в жизни Ильи.

— Она идет ко мне, — периодически говорил Илья Вике, нервно хихикая и щуря подвижные глазки. — Я чувствую, все вот-вот изменится...

И этому «вот-вот» не наблюдалось конца.

Надо сказать, жена босса относилась к Еноту тепло и искренне. Лиля возила Анну Владимировну к врачу. Лиля подарила Илье музыкальный центр. Скрашивала почти каждое его утро ласковым сообщением, задорным смайликом. Приезжала на дачу, где он просиживал отпуск, забирала его на залив, и они купались и загорали, лежали рядышком на горячем песке. От округлого бока девушки распространялось тепло, она пахла молоком и медом. Илья был счастлив, и ему казалось, что действительно вот-вот... вот-вот...

На десятую годовщину знакомства Лиля потащила Илью в кино. Они сидели в крошечном VIP-зале на диванчике для влюбленных, пили коньяк. Вдруг Лиля потянулась к нему, прильнула — и они поцеловались!

Всю следующую неделю Илья был счастлив, многословен, бестолков. Вика поджимала губу. Она видела: отношения Ильи и Лили висели на той же высоте, что и десять лет назад, болтались в люльке на канатной дороге. Они не падали, но и не взлетали. И никуда не ехали.

О том, чтобы повторить поцелуй, Илья больше не заикался. Лиля прочно перекочевала в разряд подружек Енота. В сущности, ей от Ильи ничего другого и не было нужно.

— Ну что, я была права? — поинтересовалась Вика спустя полгода. — Ты еще ждешь от нее чего-то?

— Нет, не жду, — спокойно отозвался Илья. — Я вчера смотрел на Лильку и думал: вот сидит Вера Брежнева...

— При чем тут Вера Брежнева? — не поняла Вика. — Она же блондинка, а Лиля брюнетка...

— Это женщина, которая никогда не будет моей, — объяснил Илья.

Он приспособился жить с неразделенной любовью. Так живут с близорукостью, язвой, одышкой, искусственным клапаном в сердце. К тому же, как сказал Аристотель, природа не терпит пустоты. Поэтому если есть женщина, которая не дает, то найдется и другая, которая даст.

Так что у Ильи водились подружки. Правда, надолго не задерживались. Приходили, уходили и снова возвращались; бесследно сгинувших сменяли новые. И вроде клубилась какая-то жизнь, и довольно бурная. А значит, все было хорошо.

В Петербурге тосковала осень, похожая на сиротскую весну. Илья смотрел в окно, размышляя, отправиться ли ему на прогулку под морозящим дождиком или провести выходной дома. Картинка за окнами, с голыми деревьями и грязным тротуаром, вызывала желание плюнуть на все, уехать куда-нибудь в Грецию и больше не возвращаться. Илья любил помечтать о том, как он покинет сумрачный Питер и станет жить у моря, где теплее и проще.

Он делился идеями с Викой и слышал упрек:

— Ты хочешь бросить меня одну?

— Почему — одну? — возразил Илья. — У тебя муж, дети. Это я — один.

— Ты мой лучший друг, я тебя не отпускаю, — категорично заявляла Вика. — И вообще, ты не уедешь. Ты не способен круто изменить свою жизнь.

Вика была права: Илья был инертный. Она не могла представить, как он куда-то собирается, увольняется с работы, пакует чемоданы и отбывает в неизвестность, не чувствуя ни тоски по оставленным близким, ни страха перед грядущим.

Депрессии Ильи длились недолго. Обычно они заканчивались с появлением новой подружки. Причем по мере старения Ильи его подружки молодели.

— Я хорошо выгляжу, — говорил Илья, щуря глаз. — Зачем мне девушка, которая рядом со мной будет смотреться старшей сестрой? Я хочу заботиться о своей девушке, хочу, чтобы она формировалась на моих глазах.

— Илюха, когда ты повзрослеешь? — качала головой Вика. — И чем тебя не устраивает зрелая женщина?

— Не-ет, я хочу жениться на молодой, — упрямо отвечал Илья. — В принципе, можно и с ребенком. Желательно — с девочкой. Мальчишек у меня и так двое. И пусть будет приезжая. У нас с мамой трехкомнатная квартира, и у бабушки трешка, а я — единственный наследник...

Илья вздохнул и закончил:

— Лишь бы молодая была. И милая, невредная...

— А как же Лиля? — поддевала Вика. — Она ведь моя одногодка. Старуха для тебя.

— Ну, то Лиля, — говорил Илья, словно протягивал «и» через игольное ушко.

И мечтательно замолкал.

Временами Илья в ответ на вопрос Вики: «Сегодня встретимся?» — отвечал: «Не могу, у меня планы». Это означало, что Илья ведет очередную девушку в кафе или на прогулку. Или домой, где светился в «глазке» Янкин зрачок, где девушку ожидали дотошные расспросы Анны Владимировны.

А потом прогулки заканчивались. Девушка разочаровывалась в Илье. Все по одному сценарию, только декорации менялись.

— Как съездили с Катей на юг? — спрашивала Вика.

— Погода была отличная. Правда, хороший загар?

— А как Катя? — давила Вика, игнорируя попытку Ильи убежать от ответа на вопрос.

— Ну, в общем, она оказалась не моей девушкой. Нашла себе какого-то армянина. Так мы же с самого начала ничего такого не планировали, — оправдывался Илья, — каждый сам платил за билеты, и комнаты разные сняли...

Проходили месяцы. На горизонте Ильи возникала новая девушка. Окрыленный, он выпадал из Викиного поля зрения.

— Как Светка? — интересовалась Вика через пару месяцев.

— Нормально, звонила мне вчера. Хорошо так поговорили. Ее замуж зовут. Один немец.

У Ильи образовалось огромное количество подружек. Каждая из них заносила его в список лучших друзей на своей странице в соцсети.

— Ты только не путай этих подружек со мной, своим лучшим другом, — строго предупреждала Вика.

Наступило очередное лето, и Илья снова влюбился. Как всегда, с девушкой он познакомился по Интернету.

— Мы разговариваем по межгороду каждый день! — возбужденно заявил он Вике. — Лина на семнадцать лет моложе меня...

— Поздравляю, — вяло отреагировала Вика. — Так, говоришь, она иногородняя?

— Нет, питерская! У нее трехкомнатная квартира. Просто сейчас Лина в отъезде.

— Ладно, покажи фото, — потребовала Вика.

И Илья показал. На фото миниатюрная кудрявая девушка, позируя в спортзале, грациозно закинула точеную ножку на перекладину, предъявляя в самом выгодном ракурсе все свои прелести.

— Илюха, вот это да! Неужели ты ей нравишься? Она знает, сколько тебе лет?

— Знает. Для нее это не имеет значения.

Вика состроила гримасу.

— А чем Лина занимается? — поинтересовалась она. — Балетом?

— Работает тренером в элитном спортивном клубе. Зарплата — как две моих! Только сейчас она сидит в отпуске по уходу за ребенком. У нее двухмесячная дочка. Все, как я хотел.

Вика вытаращилась на Илью:

— Ты серьезно? А как насчет мужа-рогоносца — ты подумал о последствиях?

— У Лины никого нет, — произнес Илья официальным тоном. — Она родила ребенка для себя. Через экстракорпоральное оплодотворение.

— Обалдеть, — задумчиво проговорила Вика.

— Как раз это меня устраивает. Девочка будет звать меня папой, и никто не станет претендовать на отцовство...

Викунстараживало кое-что. В частности, то, что молодая, перспективная девушка решила на зачатие «из пробирки», а также то, что Лина уже третий месяц вместе с ребенком находилась на Бали. Потому-то их роман с Ильей и развивался дистанционно.

— Может, врет про Бали? Наверное, сидит на даче где-нибудь в Мартышкине, — предположила Вика.

— Сама посмотри, вот фотки, — Илья потряс мобильником со снимками какой-то девицы в купальнике, занимающейся серфингом.

Лица не было видно.

— С новорожденной дочкой? На Бали, на два месяца?!

— Для Линки деньги — не проблема, — самолюбиво отвечал Илья. — Может, она и домашнего доктора с собой взяла. У нее, знаешь, какая машина? «Мерседес», джип! Лина фотку сбрасывала.

Вика пожимала плечами. Что ж, наверное, тренер в элитном спортивном клубе может себе позволить такую машину. Вот она, Вика, служит в полиции пятнадцатый год и ездит на турецкой «хонде». Молодой стажер в отделе рассекает на бэушном «понтиаке». А у начальника — «патриот». По Сеньке и шапка.

— А как она относится к тому, что ты меньше ее зарабатываешь? — не унималась Вика.

— Ей наплевать! — Илья возбужденно засмеялся своим фирменным булькающим смехом. — Она сказала: «Ищу человека, а не деньги...»

Енот и Лина договорились, что девушка приедет с Бали прямо к нему, пользуясь сезонным проживанием Анны Владимировны на даче. Викины подозрения потихоньку приобретали вид оформленных догадок, которыми она не спешила делиться с Ильей. А вот с мужем Алексеем поделилась.

— Ясно, — сказал Алексей. — Баба — провинциальное брехло. Она приедет не с Бали, а из какого-нибудь Майкопа.

— Ох, — вздохнула Вика. — Но зачем ей это надо? Илья ведь как раз такую и искал: бедную, приезжую, обманутую и с ребенком.

— А разве вас, баб, разберешь? — ухмыльнулся Алексей. — Врете и врете, пока с поличным не поймаете... Хочешь, я ее пробью по базе? Спроси у Енота фамилию и паспортные данные.

Однако Енот и сам не знал.

Наступил день приезда Лины. Илья позвонил Вике с вокзала. Почему не из аэропорта? — хотела спросить она. Но не спросила. Линин поезд прибывал, понятное дело, не с Бали, а из Москвы, а это значило — откуда угодно, из любого уголка необъятной России.

— Она приедет через пятнадцать минут! — возбужденно проорал Илья.

И пропал. На целых две недели.

Наконец Илья вынырнул из подполья, задумчивый и тихий. О новой подруге говорил односложно: «ничего...», «нормально...». Вика сострадательно молчала.

После двухсот грамм виски Илью прорвало, и он заплакал. Вика по-сестрински молча обняла друга.

— Не похожа, — стонал Илья, — ни капельки не похожа на ту девушку, с фото...

Он высморкался, вытер глаза и достал мобильник. С дисплея на Вику самодовольно смотрела веснушчатая деревенская девушка с широким носом и оттопыренными ушами. Рыжие прямые волосы падали на левый глаз.

Вика отложила телефон и заржала. Сначала тихонько, потом — громче и громче. Илья насупленно смотрел на нее.

— Ты извини, я на минутку, — проговорила Вика, вытирая слезы.

Она направилась в ванную, а Илья шел следом и говорил, повышая голос, доказывая и убеждая:

— Викуся, ты неправильно поняла. Это Линка была на тех фото! Просто у нее после родов временно попортились фигура и лицо... Она говорит, что так бывает...

— Ты сам в это веришь? — поинтересовалась Вика, ополаскивая лицо.

— Не знаю... А зачем ей врать?

Илья вздохнул, сделал резкий разрубающий жест рукой:

— Я, кстати, заглянул к ней в паспорт. Ты же велела. Корытова Полина Гавриловна. Прописана в Подборовье. Кстати, не знаешь, это где? Она клянется: квартиру в Питере купила только что. В строящемся доме. А я ей говорю: если хочешь, чтобы я тебе верил, покажи мне свою машину.

— А она что?

— Поехала за машиной. И с утра не отвечает на звонки.

— Тебе ведь неважно, есть ли у девушки машина и квартира?

— Мне важно, чтобы мне не ввали.

— Понятно. Ну вы хоть переспали? — поинтересовалась Вика.

И фыркнула, сама себя развеселив предположением.

Однако Илья был серьезен:

— А то! В кои веки...

Он влил в себя последние пятьдесят грамм, сморщился, словно болели зубы, и добавил с сожалением:

— А малышка у нее хорошенькая — смуглая, с ресничками, вся в складочках. Линка призналась, что родила от араба. Я ее дочку две недели с рук не спускал. Сама понимаешь — у меня ведь двое мальчишек...

Душевные страдания не проходят бесследно для мужчин среднего возраста. Илья не заметил, как начало скакать давление. Боли в области сердца и желудка подсказывали, что в организме серьезный разлад, но Илья к сигналам не прислушивался.

В тот вечер Илья ужинал в ресторане с Лилей. Расплачивалась, как всегда, она. Заказала «Хеннесси». Коньячок легко проскакивал внутрь, в груди теплело, в голове приятно шумело. Играла негромкая музыка, Лилины глаза блестели, и Илье вновь казалось, что вот-вот, вот-вот...

Но через пару часов Лиля вызвала личного водителя и укатила в свою жизнь, к своему мужу и карликовому бульдогу. Оставшись один, Илья грустно допил кофе с пирожным. У него заболела голова, и он засобирился домой.

От ресторана до остановки маршрутки было метров сто, но пройти их Илья не сумел. Его качнуло, в глазах потемнело. Он упал. Никто и не подумал поднять человека. Люди равнодушно проходили мимо. Пару раз на него наступили. Илья попытался позвать на помощь, но не смог подать голос. Он лежал и хрипел, пока кто-то наконец не догадался вызвать «скорую».

Поздно вечером Вике позвонила рыдающая Анна Владимировна. Вика мгновенно собралась и вылетела из дома.

В приемном покое больницы к ней метнулась стройная девушка в норковой шубке:

— Вика? Здравствуйте. Я Лиля. Мне позвонила Анна Владимировна... Ильюшу надо срочно забирать отсюда. В палатах мест нет, он лежит в коридоре. А вокруг — бомжи...

Лиля испуганно озиралась. На фоне больницы, навевавшей ассоциации с ночлежкой, собачьим питомником и еще чем-то страшным, она выглядела феей, пришлицей из космоса. С тоской и внезапной антипатией Вика поняла, что придется брать ситуацию в свои руки.

Уверенно, с четкими интонациями, с выраженной полицейской учтивостью Вика довела до сведения дежурного врача информацию, что в их больницу привезли «известного журналиста», что «независимая пресса» уже на подходе... и, судя по всему, клиника давно нуждается в ремонте и закупке нового оборудования... Вика красноречиво зыркнула в сторону Лили; та безропотно вытащила купюры из сумочки. Это был аргумент.

Лиля и без Вики могла бы решить проблему, но она не знала, кому дать денег — дежурной медсестре, дежурному врачу или заведующему отделением. Вика объяснила: всем. Она злилась на Лилю, считая ее виноватой в случившемся.

Илью перевели в отдельную палату. Ему дали выспаться, прописали витамины и вскоре отпустили домой.

— Жениться тебе надо, — первое, что сказала Вика, приехав забрать Илью из больницы.

Илья и сам так думал.

Случай жениться представился на излете две тысячи двенадцатого года — накануне «конца света», разрекламированного СМИ, у Ильи появилась невеста.

— Наташа в жизни лучше, чем на фотографиях, — с придыханием говорил он Вике, показывая невнятный снимок, на котором ничего нельзя было разобрать.

— А чем занимается Наташа? — поинтересовалась Вика.

— Пока ничем.

Вика поняла, что Илья, наученный горьким опытом, искал на просторах Интернета невесту со смазанным портретом и расплывчатой биографией, без экстракорпоральных оплодотворений и дорогих иномарок в анамнезе.

— Поздравляю. И когда свадьба? — поинтересовалась Вика.

— Скоро, — ответил Илья и вздохнул.

— Мне опять твоя мама звонила, — пожаловалась Вика.

Анна Владимировна периодически терроризировала ее звонками. Когда-то каждый вечер жаловалась на бывшую невестку Маринку. Сейчас ее телефонная активность опять обострилась. «Какие расходы, ох-хо, — жаловалась Вике Анна Владимировна, терзая телефонную трубку мощной ручищей. — Он нас по миру пустит!»

Дело в том, что Илья и Наташа подали заявления во Дворец бракосочетаний. Илья взял в банке кредит и заказал лимузин, ресторан и скромный банкетик, человек на двадцать-тридцать, купил себе и невесте обручальные кольца. «Мне покойный муж даже „Волгу“ на свадьбу не заказал, — стонала Анна Владимировна. — А тут лимузи-ин...»

— В самом деле, Илюха, — поддержала Вика Анну Владимировну, — куда ты так размахался? Наташа не работает, а квартиру снимать вам придется.

— Пока жива бабушка, мы с Наташей будем жить у мамы, — твердо сказал Илья. — Нам достанется отдельная квартира позже. Подождем...

— Твой Енот — просто дятел, — заявил Алексей. — И перестань делать вид, что у него скоро свадьба.

— Но это правда!

— Вот увидишь: все развалится.

— Почему?

— А кому он нужен? Ищет молодую... Насмешил!

— Вы почти ровесники, — возразила Вика. — И часто бывает так, что молодая девушка выходит замуж за мужчину зрелого.

— Я тебя умоляю! — дурашливо воскликнул Алексей. Сама фраза и интонации мужа лишний раз напомнили Вике об его одесско-бобруйских корнях. — За мужчин постарше, может, и выходят, но только не за такого, как этот... папа!

— В смысле — папик? — уточнила Вика.

— Нет, именно «папа». Папик — это статусный пожилой мужик, «денежный мешок». А Илья — *papa*. У этой девицы один такой уже наверняка есть. Зачем ей еще и Енот?

Илья пришел домой. Не успел разуться и раздеться, как на него обрушилась вся Анна Владимировна:

— Что, сынок, деньги тратить не на что? Без брульянтов не окольцеваться? Без «мерседеса» не поджениться? В наше время, помню, на «запорожце» в загс...

— Мама, это мое личное дело! — вспылил Илья. — И на ком я женюсь, и сколько трачу на свадьбу. Ты уже и так две моих семьи разрушила!

— Ой, божечка! На что отец твой был скотиной — ты и его перещеголял! — закричала Анна Владимировна. — Отец хоть мужиком был, голос имел. Каждую копейку в дом нес...

И она зарыдала, заламывая руки.

Илья стоял у обеденного стола, грыз губу и смотрел на плачущую мать, раздираемый противоречивыми желаниями: первое — обнять ее и попросить прощения, второе — шваркнуть стул об пол и выскочить вон. И больше в эту квартиру не возвращаться.

— Ох-ха-ха, лимузин ей подавай, — рыдала Анна Владимировна. — Я своим ходом на дачу езжу, пока он с девкой на юге загорает... К врачу свозить сынка не допросишься... сама-а в трамвае трясуся...

Илья выбрал компромиссный вариант: молча вышел из комнаты. И по полу не стучал, и даже дверь прикрыл тихо.

А помолвка-то расстроилась — как Алексей и предсказывал!

Тому предшествовала нудная переписка Ильи с невестой.

«Натулечка, — писал Илья, — я очень прошу тебя подумать. Для меня принципиально, чтобы мы жили с моей мамой! А если хочешь, чтобы мы снимали квартиру, ты должна пойти работать. Хоть за двадцать тысяч в месяц...»

Почему-то по непонятной Вике причине Илья скрывал от невесты, что у него есть столетняя бабушка, живущая в трехкомнатной квартире, которая скоро помрет и осчастливит его наследством. Наверное, Илья хотел, чтобы невеста полюбила его бездомным.

«Пожалуйста, Натулечка, — настаивал Илья, — для меня важно, чтобы моя жена пришла в мой дом и делала то, что я скажу».

Трудно было понять, что это — взбрык человека кроткого, впервые в жизни показавшего свой нор, или так проявилась до поры дремавшая в Илье восточная кровь.

«Разбежался! За двадцать тысяч пускай твоя Вика пашет, а я не буду».

«Тогда верни мое кольцо! — взорвался Илья. — Свое кольцо, а также серьги — мой подарок — разумеется, оставь себе».

Наташа обиженно замолкла. Когда Илья в третий раз повторил свое требование отдать *его* обручальное кольцо, она сухо отвечала: «Я его выбросила».

Илья позвонил Вике.

— Поехали, прогуляемся, — проговорил он деревянным голосом. — Мне надо отменить заказ на свадебный лимузин. Все-таки десять тысяч, а у меня кредит на двести.

Вика чувствовала, что ее лучший друг в ярости. Она собралась за пятнадцать минут.

Однако во Дворце бракосочетаний им сказали, что деньги вернуть не удастся:

— Вы можете воспользоваться своим заказом в течение полугода. Постарайтесь за этот период жениться, и тогда ваши деньги не пропадут.

Кукольное лицо сервисной барышни было бесстрастным, но Илье показалось, что она над ним насмехается.

Похоронив бабушку и став владельцем трехкомнатной квартиры, Илья подумал было: не уйти ли ему от матери? К такой-то матери... И вдруг понял, что он этого не хочет. Мама да подружки — Вика, Лиля плюс десяток несостоявшихся невест — были единственной константой в его жизни. Кроме этих женщин, ничего его здесь не держало.

Весной Илья поехал на дачу подготовить дом к переезду на лето Анны Владимировны. Отремонтировал забор, покрасил сарай, выбросил ненужный хлам. Обратном до станции шел через поле. Небо темнело, предвещая грозу, и настроение Ильи было тоже смурное.

— Я вам покажу, — бормотал он и грозил кулаком кому-то невидимому, а *невидимый* глухо урчал, словно насмехаясь. — Что? Смешно? Ладно, посмотрим, как вы посмеетесь, когда я изменю свою жизнь...

Ветер прошелестел по полю, пригнув травяные вершки. Ему на макушку что-то брызнуло.

— Я все равно женюсь на молодой! — крикнул Илья, подняв лицо к небу.

В ответ небо плюнуло в него дождичком, полыхнуло зарницей. Илья отпрянул и, прикрывая голову руками, ускорил шаги.

Ливень настиг его почти у самой станции. Илья побежал, задыхаясь, чувствуя, что вот-вот захлебнется — упругие струи воды обрушивались на него, как знаменитый девятый вал.

Илья еле успел ввалиться в электричку, как ее двери бесшумно закрылись, и она отошла от платформы.

Поезд набирал скорость. Мокрый Илья сидел на деревянной скамейке, смотрел в окно и тихонько плакал.

В июне позвонили из Дворца бракосочетаний:

— Напоминаем: через неделю истечет срок вашего заказа.

Илья поначалу не вспомнил: какой такой заказ? Потом сообразил: свадебный лимузин! Белоснежный, длинный, инопланетный, как ковчег, построенный для плавания счастливых по океану любви.

Ему захотелось плакать от обиды. А тут мать вошла в комнату и давай бухтеть:

— Когда, когда мы на дачу поедим? Кто, кто нас отвезет? Что ты за ничтожество: ни машины у тебя, ни друга с машиной! Нет мужика в доме!

— Спасибо за напоминание, — торопливо произнес Илья в телефонную трубку, — я подъеду и сделаю заказ.

Завершив разговор, он повернулся к матери и заорал:

— Я что, тут уже не хозяин? Ты что, в дом престарелых захотела?

Мать испугалась и, как всегда, зарыдала басом, заламывая руки. Илья хлопнул дверь и вышел вон.

«Попрошу Вику, — думал он, быстрыми шагами пересекая проспект, направляясь к парку, — или Лилю. Кто-нибудь отвезет...»

В этот момент ему хотелось больше не возвращаться домой. Но перед глазами стояла рыдающая мать, сложившая на груди толстые, как у барышни-самоварышни, руки. Надо с ней помягче, подумал он с раскаянием. Надо порадовать ее. Но чем?

На следующий день Илья решительно вошел в офис Дворца бракосочетаний, ведавший заказами свадебных нарядов и карет.

— Хочу заказать лимузин, — сказал он, обращаясь к офисной девушке. — На семнадцатое июня, на девять утра. Заказ был оформлен двадцать пятого декабря.

— Пожалуйста, — приветливо проговорила девушка, щелкая компьютерной мышью. — До двадцать пятого июня вы можете воспользоваться этой услугой без доплаты... Куда подъехать водителю?

— Улица Долгоозерная, дом пятнадцать, подъезд три.

— Так... Адрес доставки — Дворец бракосочетаний?

— Нет, — проговорил Илья, и лицо его осветилось самой обаятельной улыбкой, на какую он был способен. — Поедем в поселок Мшинское, садоводство Кукуево, на Краинную линию.

— Куда-куда? — растерянно переспросила девушка.

А проворные пальцы, соображавшие лучше ее, уже вводили адрес в поисковую строку.

На мониторе возникла карта Ленобласти.

— Во-от сюда, — ткнул пальцем Илья, интуитивно определив место, где десять лет назад развел строительство собственного дома.

— Но там же болото! — вскричала девушка, раскрыв глаза.

«Какой обаяшка... Узнать бы его получше», — неожиданно прочитал Илья в ее удивленном взгляде.

— Вот туда-то мне и надо! — засмеялся он и будто бы нечаянно накрыл своей ладонью ручку девушки.

И она не отдернула руку, а, наоборот, тепло улыбнулась ему.

Семнадцатого июня садоводство Кукуево было поражено, ошеломлено, смятено — садоводству явился Белый Призрак.

Тетя Клава застыла рядом с бочкой, исторгавшей клубы грязного дыма, когда по узкой дорожке медленно и печально, стараясь сберечь подвеску, проплыл лимузин. Настоящий свадебный лимузин, украшенный парой бутафорских колец, с тонированными стеклами, невероятно длинный, белоснежный. Стянув и бросив наземь брезентовые перчатки, тетя Клава проковыляла к калитке и вышла на дорожку. Тетя Поля, живущая напротив, маячила в окне, а дед Тимофей, опираясь на палку, брел к воротам. На Окраинной линии свадебный лимузин выглядел так же странно, как смотрелся бы Маленький Лебедь из Мариинского театра в сарае, среди настоящих кур.

Лимузин остановился напротив дома-вагончика Анны Владимировны. Молодой услужливый водитель выбежал и открыл дверцу, помогая выбраться хозяйке.

Полное лицо Анны Владимировны было зардевшимся, растерянным. В руках она держала двух кошек. Следом за нею из лимузина вылез Илья. Он вынес пальму в кадке. Вручив ее водителю, Илья принялся вытаскивать наружу узлы, тюки, чемоданы, швейную машинку, газонокосилку, тазы, лопаты и прочую ценную утварь. Все это аккуратно расставлялось вдоль канавы. А потом они вместе с водителем стали заносить имущество на участок.

Анна Владимировна оживленно здоровалась с оторопевшими соседями, расспрашивала о здоровье.

— А мы вот... — говорила она, смагивая слезы. — Выбрались... Барахлишко привезли...

Вновь зашуршали шины — это подъехали Лиля и Вика. Все имущество Анны Владимировны не поместилось в лимузин. Илья заметался между машинами, помогая девушкам выволакивать котули и мешки.

Анна Владимировна светилась, как плошка с фосфором. Ни подружки, ни сам Енот никогда не видели ее такой счастливой.